

УДК: 821.161.109

А.А. ЛАЗАРЕВ

(alexeylazarev94@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СИНТЕЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ Б.К. ЗАЙЦЕВА «АФОН»*

Рассматривается соотношение рационального и эмоционального начал в путевом очерке Б.К. Зайцева «Афон». Творческая индивидуальность писателя проецируется на общие представления о сути православного монашества, существовавшие в сознании автора априори, и реальные проблемы, с которыми он столкнулся во время своего паломничества и которые определили характер авторского мировосприятия.

Ключевые слова: богослужение, монастырь, образная система, паломничество, православие.

Весной 1927 г. Борис Константинович Зайцев совершил поездку в Грецию, на Святую гору «Афон», почитаемую христианами как Земной Удел Богородицы, – крупнейший центр православного монашества и паломничества с многовековой историей. Записи о пребывании писателя в этих местах появились в том же году в Париже. Сама книга «Афон», составленная из одиннадцати очерков, вышла в следующем 1928 году, в издательстве «УМСА-Press».

В предисловии автор пишет: *«Я провел на Афоне семнадцать незабываемых дней. Живя в монастырях, странствуя по полуострову на муле, пешком, плывя вдоль берегов его на лодке, читая о нем книги, я старался все, что мог, вобрать. Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только»* [1, с. 76].

Такая самохарактеристика свидетельствует о наличии в повествовании двух основных составляющих – эмоциональной и рациональной, взаимоотношение которых можно охарактеризовать как неслиянные и нераздельные. Читатели и критики по-разному подходили к авторскому замыслу и его воплощению. Так, Г. Федотов увидел в позиции писателя акцент на описании необычного и диковинного, что поражает воображение обывателя и составляет суть эмоционально-чувственного восприятия: *«В отложениях вековых культур, в соседстве десятков разноплеменных обитателей, составляющих монашескую республику, культурно изоциренный глаз автора находит острую экзотику контрастов»* [4, с. 539]. Исходя из исторически сложившегося разделения церкви и культуры, протопресвитер В. Зеньковский обратил внимание на принципиальную несовместимость сакрального и мирского, которая, по его мнению, закономерно отразилась в тенденциях рационалистического типа: *«И оттого он, любя Церковь, боится в ней утонуть, боится отдаться ей безраздельно, ибо боится растерять себя в ней»* [2, с. 22]. Аналогичной точки зрения придерживается и современный литературовед. *«Повествуя о реалиях православия, писатель, таким образом “обречен” воссоздавать лишь ту или иную внешнюю сторону: историческую канву жизни святого и характер его подвигов, “описать” какие-либо святыни и т. п.; попытки же выразить глубину и сущность духовного делания часто обречены на неудачу»* – считает А.М. Любомудров [3, с. 75].

Между тем, мы полагаем, что уникальность афонских записок Зайцева как раз и заключается в том, что ему удалось совместить объективное описание здоровой целесообразности беспрекословного подчинения строжайшему уставу, выработанному монашеством, с достоверностью психологических впечатлений человека, ощутившего истинную благодать Святой Горы, т. е. представить рациональное и эмоциональное в их реальном «живом» единстве. *«В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал»* [1, с. 78].

Начнем с того, как писатель «видел» Афон, т. е. с визуальной составляющей повествования. Первое впечатление сопровождается сильным эмоциональным всплеском, причем связанным не ожи-

* Работа выполнена под руководством Жаравиной Ларисы Владимировны, доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

данно с малоутешительной картиной: «Неприветливо меня встречает Афон. Что-то грозное есть в этой горе, обрывом срывающейся в море, ветхозаветно-грандиозное. Волны кипят у ее оконечности. Нашу “Керкиру” начинает швырять. Точно бы кто-то, трубящий в огромный рог, отнимая его на минуту, гремит: “Хочешь видеть адамантовую скалу? Вот она! Но велик и страшен Бог!”» [1, с. 77]. Далее, эмоциональная рецепция ослабевает, видение окружающего детализируется и становится фактографически «сухим»: «От полуострова Халкидики, во Фракии, выступили в море три ответвления – Кассандра, Лонгос и вот наш Афон, самый восточный из них. Это полоса суши длиной около восьмидесяти верст, шириной в двадцать-тридцать. На южном своем конце она обрывается в море островерхой горой, собственно “Афоном”. По полуострову идет холмистый кряж, как хребет живого существа, весь заросший лесами; едва пролегают там тропки <...>» [1, с. 79–80]. Но овевая святостью красота мест вытесняет географические подробности: «Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг... и *Господь надо всем*, – вот это и есть Афон» [Там же, с. 80].

Обратим внимание на замечание: «*Афон предстал мне в своем вековом и благосклонном величии*» [Там же, с. 76]. Словосочетание «*благосклонное величие*» по сути нетрадиционно. В любом словаре можно найти, что слово *благосклонность* синонимично лексемам любовь, радушие, покровительство, милость и т. п., т. е. всему тому, что несет заряд позитивной эмоциональности. В свою очередь, *величие* предполагает грандиозность и монументальность, но которые в данном случае имеют двуединую основу: объективную, поскольку речь идет о созерцании горы, поражающей своими чисто внешними параметрами, и, конечно, психологическую, поскольку истинный паломник осознает и ощущает духовные масштабы Афона. Не случайно далее замечено: «*Афон созерцает <...>*» [Там же, с. 76]. Но и *его* созерцают, и это обоюдное лицезрение когерентно, что порождает сильнейшие колебания-всплески эмоционально-рациональной амплитуды. Такой синтез рационализированной фактографии и ощущения невыразимой благодати Святого локуса будет наблюдаться на протяжении всей книги.

Однако в некоторые моменты автор исключительно рационален, что объясняется несколькими факторами и, в первую очередь, той визуальной составляющей, о которой говорилось выше. Паломники не только созерцали величественный пейзаж, они не только знали его историю, но и *видели*, что жизнь монахов подчинена строгому уставу: «Власть игумена в общежительных монастырях неограничена. Основа этой жизни есть отсечение личной воли и беспрекословное иерархическое подчинение» [Там же, с. 92]. Некоторые факты поражают своей математически выверенной точностью. Так, в обязанность «рясофорного монаха», т. е. находящегося на низшей ступени пострижения, входят ежедневные «шестьсот поясных поклонов»; манатейный монах, т. е. имеющий право носить монашескую мантию, делает их около тысячи; схимонах, или схимник, – «до полутора тысяч (не считая соответственных земных)». Монах называет эту обязанность «тянуть канончик». И далее снова следуют точные цифровые уточнения: «рясофор тянет его часа полтора, схимник – до трех, трех с половиной». Такая разница также имеет рациональное обоснование: рясофор не сразу привыкает к суровому режиму и освобождается раньше – «около десяти, остальные – около одиннадцати». Основной сон монаха длится два–три часа, но сюда может быть добавлен «один утренний час и, быть может, час среди дня после чая» [Там же, с. 93]. Так что, как мы видим, все рассчитано до мелочей. Впрочем, мелочей в монашеской жизни не бывает.

Тем не менее, именно эта визуальная составляющая афонского жизнеописания частично определила рационализм и лаконизм идиостиля писателя: «В девять я лег. В полночь, как было условлено, гостинник постучал в дверь. Я не спал. <...> На колокольне уже отзвонили. Туман, сырость. Плиты, где иду, влажны. С кустов сладкоблагоухающего жасмина падают капли» [Там же, с. 84]. Это уже эмоции паломника, опять же визуально мотивированные. В итоге соединяются в одном небольшом абзаце чувства и разум, описательные конструкции внешнего мира с детализированностью внутреннего состояния.

Б.К. Зайцев, признаваясь, что слишком мало знал об аскетике и строгостях молитвенного созерцания, приходит к пониманию, что настоящая смиренность жизни на Афоне была бы для него не по силам. Видимо, к подобной мысли придет и большинство читателей, привыкших к иным представлениям о соблюдении монашеских канонов. Символично посещение Зайцевым гробницы Андреевского скита, не только знакомящее автора с местными традициями захоронения, но и долженствующее приоткрыть тайну афонского восприятия смерти. Но оно скорее «уверило» в другом: афонское монашество как «особый духовный тип – это спиритуальность *прохладная* и разреженная, очень здоровая и крепкая <...>» [1, с. 89]. Здесь почитают умерших, но нет культа смерти. Поэтому жасмин, растущий у входа в скит, напомнил об инобытии другого плана: оставленной России, детстве, маме – о том, что было, но «чего не будет никогда» [Там же].

Однако, все это только одна сторона увиденного, визуально зримая и отчетливо выступающая. Но художник, каким позиционирует себя Б.К. Зайцев, обладает еще и особым тайнозрением. Он прекрасно понимает, что за видимым стоит невидимое, за выразимым – невыразимое, за рациональным – эмоциональное. В том же Андреевском скиту во время молитвы за всеобщим бдением окружающие реалии просвечивались образами таинственного загадочного мира. Да, «*Афон созерцает, а не кипит и рвется*» [Там же, с. 76], но за внешним спокойствием протекает параллельная нерасчисленная жизнь, которая требует иного истолкования, чем жизнь священнослужителей и алтарников приходского храма где-нибудь в Калужской губернии, на малой родине автора. Если в миру в храм приходят обычные люди со своими страстями и жизненными драмами, которые невольно разделяются священнослужителями, особенно во время исповеди, то на Афоне «нет человеческого трепета», поскольку сами монахи уже прошли суровую школу «самовоспитания, самоисправления и борьбы» [Там же, с. 85]. Пропитанное воздухом предгорий, здесь «все ровнее, прохладнее, как бы и отрешеннее <...>». Меньше пронзительности человеческой, никогда нет рыдательности» [Там же].

Возможно, слезы умиления или покаяния присутствуют в одинокой келье афонского схимника. Оно скрыты от глаз постороннего. Их «нельзя увидеть» [Там же], наличие их можно только предполагать. Поэтому глубочайшие принципы и богатейшие формы художественного психологизма, которые получили столь широкое распространение в русской классике и в творчестве того же Зайцева, здесь не только не уместны, но и грубо некорректны.

Художественное чутье писателя проявилось в другом: вслушиваясь в читаемые во время богослужения житийные и святоотеческие творения, проникая в их богатый образный мир, размышляя о силе церковных текстов, он понял, что это вовсе не образцы даже самой возвышенной поэзии и литературы, ибо суть монастырской жизни в битве за человеческую душу, за воспитание в себе человека нового (как сказано в Евангелии). За счет этого сама жизнь превращается «в священную поэму» [Там же, с. 97].

В финале книги (небольшой главе «Прощание с Афоном») мы можем найти ту же бесстрастность констатации, которая была вначале: «И вот удаляется тысячелетний Афон. “Хризаллида” плавно уходит к западу навстречу быстрому вечеру. Лимонные облака, лимонно-серебряная вода. Гора Афон под закатным светом нежно лиловет. Впереди Лонгос смутно-сиреневый. Позже над ним встали оранжевые облака, у подножья его резкая серебряно-розовая струя и зеркально-розово-голубое море» [Там же, с. 145].

Но пребывание на Святой земле всегда расширяло видимое пространство до бесконечности, просвечиваясь «таинственными, как бы апокалипсическими сияниями <...> Афон был нестерпимой синевы в тайном венце молний» [Там же, с. 132]. Это уже видение иного качества, возвышающее авторское воображение до молитвенного созерцания инобытия: «В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и, что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира самой искре. В час пустынный, пред звездами, морем, можно снять шляпу и, перекрестившись, вспомнить о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню» [Там же, с. 146].

Это еще одно, может быть, самое главное открытие писателя-паломника: «Афон не мрачен, он светел, ибо влюблен, одухотворен <...> он полон христианского благоухания, т. е. милости, а не закона, любви, а не угрозы» [1, с. 76].

Разберем фразу по отдельным составляющим, исходя из общего авторского заявления: «<...> Я пытаюсь дать ощущение Афона, каким я его видел, слышал, вдыхал» [Там же, с. 76]. Афон светел: свет, конечно, – явление физическое и воспринимается зрительно. Но как Божий дар: «Слава Тебе, показавшему свет!» [Там же, с. 146] – он воспринимается (*вдыхается*) всем существом, слышащим неслышимое. «Закон» и «милость» – оппозиция, восходящая к знаменитейшему «Слову о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.). Таким образом, получается, что *ощущение* Святой Горы восстанавливает не только целостность внутреннего мира писателя в синтезе эмоционального и рационального, но и духовно-историческое единство Святой Руси и Земного Удела Богородицы.

Наверное, именно поэтому, как пишет Б.К. Зайцев, «русское сердце легкоплавимо» [Там же, с. 92]. К этой мысли писатель пришел во время пребывания в главной обители русского православия на Афоне: монастыре святого Пантелеймона, которому посвящен отдельный очерк. «Помню золотое солнце, играющее лучами сквозь окно в нежно-сиреневом дыму каждения, помню три фигуры у самых дверей, кланяющихся каждому выходявшему: чтец, повар и трапезарь». В праздничные дни они просят прощения, «если что-нибудь было не так», а в будни, «в знак смирения» и, прося о снисхождении, «лежат распростершись» перед ними же. Таков древний афонский обычай [Там же, с. 96–97]. В таком контексте как сами собой разумеющиеся воспринимаются слова о врачующем значении «ложечки» св. Пантелеймона, которой под силу победить любую тьму, любую «карамазовщину» [Там же, с. 92], добавим, любую «болезнь» века.

Литература

1. Зайцев Б.К. Афон. Собрание сочинений: 5 Т. Т.7 доп.). М.: Русская книга, 2000. С. 75–152.
2. Зеньковский В. Религиозные темы в творчестве Б.К. Зайцева. (к пятидесятилетию литературной деятельности) // Вестник РСХД. 1952. № 1. С. 18–24.
3. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
4. Федотов Г.П., Зайцев Б.К. Афон. Путевой очерк. Париж. 1928 // Современные записки. 1930. № 41. С. 537–540.

ALEKSEY LAZAREV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

SYNTHESIS OF EMOTIONAL AND RATIONAL IN A CYCLE OF ESSAYS «ATHOS» BY B.K. ZAITSEV

The article discusses the correlation of rational and emotional began in his travel sketch «Athos» by B.K. Zaitsev. The creative individuality of the writer is projected to the common representation of the essence of Orthodox monasticism existed in the mind of the author of the a priori, and the real problems that he encountered during his pilgrimage and who determined the nature of the author's worldview.

Key words: *liturgy, monastery, figurative system, pilgrimage, Orthodox.*